

КУЛЬТУРА

ТРАДИЦИЯ СТРОИТЕЛЬСТВА ХРАМОВ-ПАМЯТНИКОВ В АРХИТЕКТУРЕ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

© 2005 Т.В. Юрьева

Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

Одной из важных черт православного канонического искусства является его синтетическая полифункциональность. Это определяет его многосмысловую природу и дает возможность для множественных интерпретаций канона, выявления различных уровней его символических значений.

Православный храм, один из важнейших феноменов русской религиозной культуры, несет в себе целый ряд функциональных значений, главное из которых — это литургическое, или богослужбное. Мы можем рассматривать храм как воплощение конфессиональной идеологии, наглядное выражение вероучения, догматики православной церкви. Но помимо этого храм выполняет и ряд общественно значимых функций, одной из которых является функция мемориальная.

По сути своей, любой храм — это памятник, поскольку, помимо литургической, выполняет и мемориальную функцию. Таковыми были уже первые катакомбные храмы на могилах христиан-мучеников. Они служили как местом для совершения литургии, так и выполняли функцию памятника над могилой усопшего. Служба, совершаемая в этих храмах, всегда была связана с поминовением этих святых. “Стало быть, любой храм самим фактом освящения престола в память святых и праздников несет памятную идею”¹.

Тем не менее, в истории православной архитектуры существует понятие храма-памятника, связанное с созданием особого мемориального храмового сооружения, которое помимо своего главного посвящения — какому-либо святому или событию христианской истории, связывается с памятью о современных храмоздателях осо-

бо выдающихся событиях, или событиях серьезного общенационального значения.

Строительство храмов-памятников существует в христианстве издревле, а традиция сооружения храмов-памятников на Руси получает новый оттенок, связанный с русской историей, поскольку всегда в ней подчеркивалось, что история русского государства — это история государства христианского, православного.

“Знаменательно, что уже первый русский храм эпохи принятия христианства нес в себе определенный памятный смысл. Построенная князем Владимиром Святым церковь Рождества Богородицы в Киеве (т. н. Десятинная) на месте языческого капища символизировала победу над язычеством, утверждение христианства, торжество Православия на Руси. В то же время храм стал и памятником убиения первых известных на Руси мучеников-христиан Иоанна и Федора, местом погребения святой равноапостольной княгини Ольги, а затем и самого святого равноапостольного князя Владимира”².

Хрестоматийной является история строительства храма Покрова на Нерли, сооруженного князем Андреем Боголюбским в память убиенного сына князя Изяслава во время военного похода в Волжскую Булгарию.

Чаще всего сооружение храмов-памятников было связано с военными победами. Так, в память о победе над монголо-татарами на Куликовом поле (1380 г) был построен храм Рождества Богородицы в Бобриневском монастыре под Коломной, а также храм всех святых на Кулишках. Знаменитый Покровский собор (храм Василия Блаженного) на Красной площади в Москве был сооружен в честь победы Ивана Грозного над Казанью. Строительство собора Казанской ико-

¹ Святославский А. В. Традиция памяти в православии / А. В. Святославский. — М., 2004. — С. 17.

² Там же.

ны Богоматери на Красной площади, а также в селе Коломенском, ознаменовало победу над поляками и окончание Смуты³.

Храмы-памятники возводились и в честь событий, связанных с рождением наследников русского престола. Так по благочестивому обету Василия III после рождения наследника за один день в бывшем селе Дьякове был возведен деревянный храм в честь небесного покровителя новорожденного сына — святого Иоанна Предтечи. Затем этот храм был перестроен в храм Усекновения Главы Иоанна Предтечи. Еще один храм-памятник, сооруженный в честь рождения Ивана IV — храм Вознесения в Коломенском. (1532 г.). В 50–60-е годы XVI века целый ряд мемориальных шатровых храмов был построен в Балахне, Муроме, Старице.

Эта традиция продолжалась и в XVIII, и в XIX в., особенно в период подъема патриотических настроений в связи с победой в Отечественной войне 1812 года.

В русской эмиграции, которая распространилась на многие страны мира, строительство храмов-памятников получило особый смысл и новое содержание, связанное с последними на тот момент трагическими событиями русской истории. Люди, “понесшие в себе Россию”, строили православные храмы не только для молитвы, но и увековечивали в них память об утраченной родине. Поэтому, даже если эмигрантский храм не имеет мемориальной функции, заложенной в его посвящении (т. е. посвящение его традиционно связано с евангельской историей), выбор сюжетов для икон, программа иконостасов и стенных росписей — все дышит воспоминаниями о России. Эта идея воплощается и в декоре храма, и в подборе иконографических образов в иконостасах. Именно поэтому чаще пишутся иконы именно русских, а не общехристианских святых, становятся особо почитаемыми образы святых благоверных князей, олицетворяющих русскую историю, образы русских городов с их храмами и монастырями вплетаются во фресковый декор зарубежных православных храмов. По большому счету, каждый храм создавался теперь как храм-памятник по утраченной России. Но были и особые моменты, мемориально отмеченные специально созданными храмами-памятниками.

Одним из самых знаменитых храмов-памятников русской эмиграции является храм-

памятник св. Иова Многострадального⁴, посвященный царю-мученику Николаю II, а также всем русским людям, “богоборческой властью в смуте убиенных”, в Брюсселе. Храм был заложен в 1935 году, но освящен лишь через 15 лет, в 1950 году.

Этот храм является самым значительным и, наверное, самым удачным проектом Николая Ивановича Исцеленнова, архитектора, теоретика искусства, председателя общества “Икона” в Париже, который всю свою жизнь в эмиграции посвятил возрождению православной культуры за рубежом. Цель строительства собора была выражена в архипастырском воззвании, выпущенном в 1931 году за подписями Председателя Собора Архиереев и Архиерейского Синода Митрополита Антония и Членов Священного Собора: “Пройдут годы, придет нам на смену новое поколение, которое не было свидетелем современных нам ужасных событий, и время сгладит память о них. И падут на нас укоры потомков, если мы не увековечим память современных нам мучеников и не выразим своего благоговейного отношения к ним”⁵.

Внешний облик постройки — точное воспроизведение одного из приделов храма Спаса Преображения в селе Остров под Москвой. Мемориальный характер храма отражен в помещенных на столпах памятных досках с именами и фамилиями погибших русских людей. Среди них — четыре больших мемориальных доски с именами Царственных Мучеников, именами замученных членов императорской семьи, погибших архипастырей, представителей духовенства и монашества, а также с именами множества русских людей, принявших мученическую кончину от богоборческой большевистской власти.

Состав присутствующих в храме иконографических образов связан, прежде всего, с именами тех святых, которые являлись соименными покровителями царственных мучеников. Справа и слева от иконостаса помещены два киота. С правой стороны — киот с изображением небесных покровителей Царской семьи, с левой — киот с иконой Всех святых в Земле российской просиявших.

Иконостас также был создан по проекту Н. И. Исцеленнова. Большие иконы местного ряда и деисусный чин написаны кн. Е. С. Львовой, известной иконописицей, участвовавшей в

³ Подробнее о храмах-памятниках, посвященных русской воинской славе, см.: Нашокина М. В. Храмы-памятники русской воинской славы / М. В. Нашокина // Памятники Отечества. — 1988. — № 1 (17). — С. 143–149; Исакова Е. В. Храмы-памятники русской воинской доблести / Е. В. Исакова. — М., 1991.

⁴ Николай II родился в день празднования памяти этого святого, 6 июня по старому стилю.

⁵ Вздорнов Г. И. Общество “Икона” в Париже / Г. И. Вздорнов, З. Е. Залеская, О. В. Лелекова. — М.; Париж, 2002. — Т. 1. — С. 398.

создании многих известных в эмиграции храмов и иконостасов⁶, остальные иконы для иконостаса — самим Николаем Ивановичем. На момент освящения храма был сооружен лишь первый ярус иконостаса. Полностью иконостас был завершен в последующие несколько лет и в настоящее время представляет собой трехъярусную алтарную преграду, состоящую из 31 иконы, с великолепно расписанными Царскими вратами с порталом, в углах верхней панели которого находится образ евхаристии. Деисусный ряд отделяет от нижних рядов широкое тябло, на котором старославянскими буквами написан текст молитвы.

Как и весь этот храм в целом, его иконостас представляет собой абсолютно гармоничное единство формы и содержания. Получив возможность не перестраивать, как это часто было, какое-то мало подходящее для храма здание, не приспособив традиционную форму иконостаса в непригодное для этого помещение, а спроектировать и построить храм с нуля, Н. И. Исцеленнов реализует в этом храме все свои творческие возможности. Вполне вероятно, что иконостас храма в Брюсселе в полной мере отражает представления Н. И. Исцеленнова о его сущности и правилах его создания. Архитектор великолепно решил как богословскую, так и художественную задачу. Прежде всего, иконостас, не перегружен, как это мы часто можем видеть в поздних древнерусских памятниках, декором, и представляет собой многосоставную икону, имеющую четкую центрально-симметричную композиционную схему. Можно также отметить единое ритмическое и колористическое решение.

Кроме того, иконостас гармонично вписан в архитектурную среду, составляет единое целое с фресковой росписью — образом Богоматери Оранты в конхе алтаря и системой иконографического убранства интерьера храма.

На освящение храма архимандрит Виталий привез от великой княгини Ксении Александровны, родной сестры убиенного царя, в дар храму икону св. Иоанна Крестителя. Эта икона была вместе с государем до самой его мученической кончины в Екатеринбурге⁷. Присутствие этой святыни в храме еще более усиливает мемориальный смысл этого памятника.

Кроме того, в храм-памятник переданы на хранение штандарт 2-го Лейб-Гусарского Пав-

лоградского Императора Александра III полка и штандарт 17-го Драгунского Нижегородского Его Величества полка.

Русской воинской славе посвящен еще один храм-памятник, церковь Воскресения Христова, построенная на русском воинском кладбище в Мурмелон ле Гранд в Шампани (Франция). Это могилы русских воинов, солдат экспедиционного корпуса, сражавшегося с немецкими войсками на территории Франции в первую мировую войну. Когда во Франции сформировалась большая русская эмиграция, это кладбище было взято под ее опеку, а в 1937 году был построен и освящен храм. Он также стал памятником, молитвой по утраченной Родине. Над входом надпись: “Aux soldats russes morts au champ d’honneur en France. Русским солдатам, погибшим на поле брани во Франции. 1916–1918”.

Церковь построена по проекту Альберта Бенуа. Он же сделал роспись интерьера храма в древнерусском стиле. Особое место здесь занимают гербы русских городов.

Иконостас также спроектирован А. А. Бенуа, иконы написаны членами общества “Икона” в Париже П. А. Федоровым и княгиней Е. С. Львовою. Стиль архитектуры и внутреннего убранства храма обращает всех, кто его видит, к образу былинной и сказочной Руси с ее древними городами, узорочьем деревянных изб и теремов, в которое вплетаются иконные лики русских святых. Очень небольшой по своим размерам, этот храм стал памятником русскому оружию, русской верности долгу и чести.

Еще один удивительный по своей истории храм-памятник находится в далекой, казалось бы, от православного мира Северной Африке, на берегу Средиземного моря, в мусульманской стране Тунис. Это храм Александра Невского. Он появился здесь лишь в двадцатом веке, благодаря множеству русских людей, эмигрировавших сюда вместе с русским флотом, который пришел в порты Бизерты “на последнюю свою стоянку”.

Храм-памятник, церковь Святого благоверного князя Александра Невского в Бизерте был посвящен русскому флоту, закончившему здесь свое существование. История русской эскадры уже достаточно хорошо описана в ли-

⁶ Вздорнов Г. И. Общество “Икона” в Париже / Г. И. Вздорнов, З. Е. Залесская, О. В. Лелекова. — М.; Париж, 2002. — Т. 1. — С. 403.

⁷ Кн. Е. С. Львова участвовала в создании таких иконостасов, как иконостас храма на Сергиевом подворье в Париже (совместно с Д. С. Стеллецким), иконостас храма Знаменья Богоматери в Париже (совместно с Д. С. Стеллецким и Н. И. Исцеленновым), иконостас церкви в Медоне под Парижем, деисусный ряд иконостаса Ильинской церкви на православном кладбище в Хельсинки и ряда др.

тературе⁸. Страницы, связанные с моментом ее расформирования, рассказывают о том, что это означало для русских моряков — окончательную потерю родины.

“В эти, уже далекие, тридцатые годы для тунисских беженцев жизнь, как всегда, тесно была связана с церковью. Проданные на слом корабли были еще у всех на уме. Так зародилась у моряков мысль построить часовню в память последней эскадры под Андреевским флагом. <...> Комитет обратился ко всем русским в изгнании, и в особенности к бывшим бизертянам, призывая их помочь построить памятник последним черноморским кораблям. Постройка началась в 1937 году, закончилась до войны 1939 года...”⁹. Освящение храма состоялось 10 сентября 1938 года. Наверное, не случайно для посвящения храма было выбрано славное имя Александра Невского, который помимо того, что был русским святым и русским полководцем, также почитался русской православной церковью как защитник от междоусобной брани, что как никогда было актуально в те послереволюционные годы, расколовшие русское общество. Кроме того, храм Александра Невского в Бизерте, несмотря на столь тяжелые обстоятельства, продолжал традицию строительства храмов этого посвящения, сложившуюся в России XVIII — XIX веков¹⁰.

Все в этом храме, и элементы интерьера, и иконы, и церковная утварь, наполнено идеей увековечения славы русского оружия, его морской гордости и чести. Морская символика присутствует уже на подступах к храму. Еще издале-

ка можно увидеть изображения корабельных якорей, украшающие церковную ограду.

Удивительное зрелище — голубые купола православного храма под ярким тунисским небом. Да и сама архитектура храма своим кубическим основанием и полуциркульным куполом похожа на столь многочисленные в Северной Африке мавзолеи — марабу, что еще раз напоминает нам о восточных корнях русской православной архитектуры. Используя традиционные для данной местности формы, архитектор завершил купол луковичной главкой, венчаемой крестом. По углам кубического основания также разместил четыре главки поменьше, а по краю стены между барабанами главок пустил ряды кокошников. Храм также украшает входной портал с невысокими, в романском стиле колоннами и окнами, образующими двойной арочный проем, также разделенный романской колонной.

На стенах внутри храма памятные доски. Центральная — в память русских кораблей — содержит их названия: линкор “Император Александр III”, крейсера “Кагул” и “Алмаз”, эскадренные миноносцы “Беспокойный”, “Гневный”, “Дерзкий”. “Поспешный”, “Пылкий”, “Капитан Сакен”, “Цериго”, “Жаркий”, “Звонкий”, “Зоркий”, подводные лодки “Буревестник”, “Тюлень”, “Утка”, “А. Г. 22”, канонерские лодки “Грозный”. “Страж”, учебное судно “Моряк”, суда “Якут” и “Китобой”, спасатели “Илья Муромец”, “Черномор”, буксиры “Всадник”, “Гайдамак”, “Джигит”, “Голанд”, транспорты “Кронштадт”. “Добыча”, “Дон”, большой линкор “Георгий Победоносец” и пароход “Великий Князь Константин”.

По сторонам от нее — две доски русским морякам — офицерам, закончившим свой жизненный путь, как и их корабли, в Бизерте. Это командующий русской черноморской военной эскадрой в Бизерте в 1920 — 1924 годах контр-адмирал Михаил Андреевич Беренс (1879 — 1943 гг.) и русского императорского флота старший лейтенант Александр Сергеевич Манштейн (1888 — 1964 гг.). “Родина помнит о вас”, — написано в нижней части каждой из этих памятных досок.

Небольшой по размерам храм имеет, соответственно, небольшой, одноярусный иконостас. Так же, как во многих других небольших иконостасах, созданных в эмиграции, часть икон поставлена в вынесенных вперед киотах. Это касается прежде всего главной иконы местного ряда, образа святого, которому посвящен храм.

Особо обращают на себя внимание в этом храме Царские врата. И не столько они, сколько завеса, которая полагается к ним. В бизертском храме эта завеса сделана из Андреевского флага,

⁸ См., например: Узники Бизерты: документальные повести о жизни русских моряков в Африке в 1920—25 гг. — М., 1998; Черкасов-Георгиевский В. Г. Русский храм на чужбине / В. Г. Черкасов-Георгиевский. — М., 2003. — Гл. Африканские форты. — С. 211-229; Ширинская А. А. Бизерта. Последняя стоянка / А. А. Ширинская. — СПб., 2003.

⁹ Ширинская А. А. Бизерта. Последняя стоянка / А. А. Ширинская. — СПб., 2003. — С. 286.

¹⁰ Можно перечислить следующие храмы: деревянная церковь во имя Святого благоверного князя Александра Невского в Усть-Ижоре (1711 г.); Александро-Невский собор в Ижевске (1823 г.); Александро-Невский кафедральный собор в Саратове (1824 г.); церковь Святого Александра Невского в Германии (1826—1830 гг.); храм Святого Александра Невского в Париже (1859—1861 гг.); храм Святого Александра Невского в Софии (1877—1878 гг.); собор Александра Невского в Нижнем Новгороде (1881 г.); церковь Святого Александра Невского в Кургане (1902 г.); часовня Святого Александра Невского в Ярославле (1892 г.).

который напоминает всем входящим об особом посвящении этой церкви.

Как сообщила мне в личной беседе Анастасия Александровна Ширинская, единственный живой свидетель тех событий¹¹, иконостас был построен по рисунку А. Бенуа. Иконы иконостаса и двух евангелистов исполнены Александрой Эрнестовной Чепегой, малые иконы иконостаса – В. Н. Зверевым, икона “Тайная вечеря” – Г. М. Янушевским. Икону святого благоверного князя Александра Невского в правом киоте написал сын директора бизертского Морского корпуса вице-адмирала Герасимова В. А. Герасимов, крест над киотом – работы А. С. Манштейна. В храме находятся также две иконы, написанные княгиней Е. С. Львовой. Это образ святого князя Владимира в левом киоте (парный образу св. князя Александра Невского), а также отдельно стоящий образ святых Елены и Константина.

Помимо уже не раз упоминавшейся здесь кн. Е. С. Львовой, все эти люди не были профессиональными иконописцами и сделали иконостас в силу своих способностей и умения. Поэтому стиль написания этих икон можно характеризовать как наивный, с некоторой преувеличенной экзальтированностью ликов и поз. Но кроме тех, кто собственно жил в Бизерте и испытывал по-

требность в храме, писать иконы было некому, приходилось справляться самим. Две же иконы, написанные кн. Е. С. Львовой в Париже, появились здесь позже и стали несомненным украшением храма.

Помимо икон храм украшают три фрески, появившиеся в храме несколько позже: это сюжет рождества на северной стене, Крещения, Распятия и Воскресения – на южной. Западная стена украшена фреской, изображающей Рай Господень, где в центре на троне восседает Богородица с архангелами Михаилом и Гавриилом по сторонам, по правую руку мы видим сюжет “Лоно Авраамово”, а по левую изображены Райские Врата, святой Петр с ключами и вереница праведников, спешащих к ним. Купол храма выкрашен голубой лазурью, в четырех парусах по традиции помещены образы четырех евангелистов.

В храме хранятся многие реликвии, связанные с русским флотом. Инженер А. П. Клягин передал в храм много предметов с “Генерала Алексея”, одного из кораблей эскадры, купленного им. Это люстры, якоря, мраморные плиты.

Над входом в церковь надпись: “Блаженны изгнаны правды ради, яко тех есть царство небесное”. Воистину воздастся тем, кто в годы безвременья и гонений сохранил память, веру, любовь к ближнему и надежду на будущее.

Рецензент – Л. Е. Кройчик.

¹¹ Кроме автобиографической книги, указанной выше, об Анастасии Александровне Ширинской можно прочитать в: Махрова Г. А. Мой Тунис / Г. А. Махрова. – М., 2002. – С.38-43, 109-110; Беляков В. Одна на весь Тунис. В гостях у Анастасии Ширинской / В. Беляков // Путешествие по свету. - № 10 – 2004. – С. 2-7.